

Дмитрий Александрович Пригов. Его стихотворения направляют голову на правильный путь, а душу зажигают нужным огнем. Его лекции в российских и зарубежных университетах – тоже хороши. Книжки – в магазинах.

СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА!

– Сколько вам лет?

– Мне – 63.

– Вам 63 года?! Удивительно! Сразу тогда. Первый вопрос. Он к делу не относится, но чрезвычайно интересно. Как сохраняете молодость?

– Есть такая поговорка русская: "маленькая собачка – до старости щенок".

– Только в этом секрет?

– Думаю. Потому что никакими я не обладаю секретами. Невротик. Холерик и невротик. Может быть, это помогает?

– А мрачные мысли Вы часто думаете?

– Нет-нет. Абсолютно нет.

– А чем-нибудь озабочиваетесь?
– Только проектами. Ну, там, в семье, естественно, бывает. Но это на очень короткий момент. Никаких способов "вытеснения" у меня нет. Как-то само уходит.

– А приземленные какие-то мысли?

– Ну, да. Например, паспорт потерял и никак не могу его до сих пор восстановить. То потеряли бумаги, то еще что-то потеряли.

– Это заставляет переживать?

– В тот момент, когда идешь – нет. Походишь, потом через 5 минут выходишь и все забываешь.

– Я настаиваю, что секрет вечной молодости в том, чтобы не переживать, а если что-то случается, то не более 5 минут один раз в неделю.

– Да. Не влезать. Не въезжать в это полностью. Но для того, чтобы не въезжать, нужно что-то, что гораздо более служит раздражителем для нервной системы и для мозга. Вот если вы найдете такой раздражитель... У кого что. У кого водка. Выпить надо и он забывает про все. Кто параноик, у кого-то сверхценная идея, например. Я отношусь к разряду параноидальных людей со сверхценностями идеями.

– Не могу поверить, что разряд "параноидальных людей со сверхценностями идеями", ну или переводим в более короткую форму – "творческих людей", – что это равноценно питью водки.

– В каком-то смысле.

– Я считаю, что это формула языка. Назвать и то, и это – "раздражителями" и "все единым". Это разные вещи.

– Я думаю, что они в одном сходны. Они действуют. Они приводят человека в состояние измененного сознания. И то, и другое.

– Сходство есть. Сходство можно найти между чем угодно. Особенно, если ищет творческий человек.

– По одному признаку – они сходны. А так-то, во-первых, конечно, водка стоит денег, а параноидальные идеи – ничего не стоят.

– Несмотря на то, что Вы старше меня, я о Вас знаю больше.

– Именно поэтому. Не "несмотря", а "именно поэтому".

– Огромное впечатление на меня произвело стихотворение "Девочка":

Девочка идет... большая Крови в ней всего три литра...

– Ах, да. "Девочка идет, смеясь..." – И весь цикл про Милиционера. И одна мысль, высказанная Вами. Она выглядит так: "творчество от не-творчества отличается, тем, что творчество поджигает другое сознание, заставляет его, как по эстафете, выдавать творческие импульсы".

– Резонировать.

– Да. Если это есть, то это творчество. Это искусство. Это жизнь.

– Творчество не обязательно направлено на всех людей. Потому что у них, просто, нет органа восприятия. Тогда на них, сколько не направляй свои излучения – у них ничего не резонирует. Как ни велики будут усилия какого-нибудь современного философа, но если он будет индуцировать свое творчество на человека из глубинки Сибири, который никогда в жизни не только Гегеля... то, вряд ли, его творческие усилия спровоцируют того на что-либо.

– Это уже проблема восприятия?

– Да, культурно-адаптивных механизмов. Творчество – это род конвенции обеих сторон. Это не то, что "вот ты творческий пришел, запел, и все сказали: как замечательно". Придет человек из китайской оперы, особенно, из корейской... Вы слышали когда-нибудь корейскую оперу? Нет?

– Нет.

– Это рычание такое совершенно непонятное. Аааа-ээээ-аааааааа... Придет он, скажем, в клуб любителей КСП и запоет. Не гарантирую, что они самого лучшего корейского певца воспримут как нечто неземное.

– А если взять человека, у которого отросли нужные "дополнительные органы"? То тогда он сможет различать.

– Да. Это понятно. Это, собственно, и есть – культура. В отличие от творчества, культура и служит выравниванию этих "адаптивных органов". Она служит посредством всяких культурных заведений, которые устраивают что-то, и посредством людей тиражирующих, которые как плагиаты. Люди, тиражирующие чужие предметы, они служат вот таким, как бы, механизмом воспитания этих ушей, глаз.

– Что значит "тиражирующие"?

– Приходит Блок, например, и создает "символизм", а потом пошло целое стадо символистов.

– Стадо?

– Ну, так всегда. Пишущих людей очень много.

– Я с удовольствием узнал, что Вам 63 года. Что удалось накопить главного? Уроки? Что?

– Насколько я мог это выразить и в своих всяких заявлениях, и во всякой деятельности, художник – это не произведение и не тексты им производимые. Художник – это способ создания некоего модуля восприятия жизни и поведения. Художник всеми ассоциируется в плане создания хороших вещей, красивых произведений и прочего. Для меня тексты литературные, художественные – это частный случай явления художника в этом мире. Я являю образ художника, каким он проявляется в наше время. Основное, что я пытался для себя вывести и для других – что художник важнее, чем вещь. Ведь у всех представление о художнике такое, что вещи важнее художника. Собственно, есть такая максима – "писатель умирает в тексте", т.е. когда написан текст, художник не важен. Для меня – художник важнее своих текстов. Тексты – одно из его явлений миру. А смотреть нужно на художника, на его поведение.

– Я понимаю, о чем Вы говорите. Я определяю свою позицию – "я полностью согласен". Но мысль эта – сложная. Несмотря на всю ее простоту.

– Хуже даже, что она не как мысль сложна, а то, что социум...

– Я имею в виду – "сложна для восприятия".

– Культура, к сожалению, еще пока не выработала оптики, чтобы отследить эту зону, – она для нее "фантомная". Для нормального человека, погруженного в мир текстов, в мир вещей, эта зона, о которой я говорю, она – "фантомная". У него нет фокусировки на эту зону. Там, просто, некое белое пятно. Поэтому они видят только отпадение этих твердых... "экскрементов". В виде произведений, о которых он говорит либо "хорошие", либо "плохие". Они так и есть, они – либо хорошие, либо плохие. Но если мне что и интересно, если я что-то мог и хотел бы явить миру, в отличие от всех предыдущих, то это, как раз, акцентирование того, что "сам художник важнее своих произведений". А практически – технически – как это сделать? Для людей, более-менее не умеющих распознавать, это так: я работаю в очень многих сферах, поэтому сами они – каждая из них – и не обязательны, но от них направлены векторы в центральную зону, где происходит главное, порождающее их, событие.

– Речь идет о живом, о "жизни", в противоположность "мертвому"?

– В модуле социо-культурном – это проявление называется "художник". У мира нет других способов восприятия этой деятельности, кроме как через обозначение. Вот это – обозначается как "художник". Посему в моих формулировках – искусство называется "предпоследними истинами". У искусства есть амбиция – быть религиозией современной, быть больше, чем искусством. Для меня человек, занимающийся искус-

ством плохо или хорошо – всегда хорошо! Он должен понять, что он занимается "предпоследними истинами". Он приготавливает посредством своих вещей в себе ЧЕЛОВЕКА. Если он хочет перейти к пониманию более основательных истин, он бросает "искусство" и занимается другим. Если ему достаточно мира "произведений искусства" – он с ними живет. Но он должен понимать, что они не говорят ни о чем другом, кроме как о самих себе, эти "материальные объекты". И думать, что они "явления высшего мира", эти произведения искусства – это большая иллюзия. На них есть какая-то пыль, отпечаток, но не больше.

– Что значит "явление высшего мира"? Если мы сами – проявления высшего мира и канал очищен?

– Все правильно – верхний мир. Но, в принципе, в предметном мире он существует в виде пятен. Есть стелени очищенности существования. В произведениях искусства – лишь часть того, что несет из "верхнего мира". Остальное – в самом его, художника, поведении, жизни и явлении.

– То есть мы правильно, все-таки, с Вами делаем, что не только стихи читаем, но и разговариваем? И стремимся хоть так донести какой-то дополнительный аспект?

– Для меня это важно. Потому что впрямую пока, я еще раз говорю, это общество – не имеет оптики восприятия. Посему вот эти объяснения – они чуть-чуть прочищают эту оптику, дают людям возможность понять, что происходит. Посему я с большим удовольствием везде, где выступаю, объясняю, что я хочу, и если это непонятно, я как бы... Я же никому не навязываю. Я говорю, просто, что, возможно, все это есть мой бред, и в дальнейшем человеческое общество так и воспримет это – как бред. А возможно – оно работает способ восприятия этого. Тогда скажут – "вот да, понятно".

– В чем ваша цель?

– Моя цель? Вот именно в такой наиболее честной ясности формирования поведенческого типа существования художника в обществе и донести его. Вот, собственно, я занимаюсь тучей вещей, чтобы это как-то и прояснить. И надо помнить, что это всегда двойной процесс – я говорю для других, но, прежде всего, посредством этих вещей все это проясняется для самого себя.

– Получается, когда мы говорим "художник", или "философ", или "религиозный деятель" – это очень грубые модели? Ведь, фактически, то, чем Вы занимаетесь – это донесение какого-то света через канал, который есть Вы. Того вот "верхнего" – вот такими средствами?

– Справедливо. Но в этом мире – по средствам, которые я использую, по моей закреплённости в каких-то институтах социальных – я обозначаюсь "художник". И мне незачем так называться. Если бы мне было неприятно так назы-

ваться, я бы назывался "философ" – или кто там? – "инженер человеческих душ".

– Трудности самоидентификации?

– Да. Самое главное – это не оскорбить и не напугать людей своим этим самым заявлением. Поэтому я свои вещи строю так: пытаюсь выстроить четыре уровня. Первый уровень должен быть анекдотический: тот, кто любит в искусстве рассказ, анекдот, смех – он не должен быть оскорблен этой вещью. Вот у меня есть анекдот – милиционер какой-то там, еще кто-то. Второй уровень – это уровень, обращенный к людям занятым и любящим искусство. Если в стихах, то это уровень поэтический – как написано, как срифмовано. Если в изобразительном искусстве – это традиции светотени, штриха. Третий уровень, это уже для людей, интересующихся культурой с высокой точки зрения. Это культурологический уровень – традиции, аллюзии, цитаты, отсылки к кому-то. И последний уровень, который мне важен – уровень стратегический. Но, в принципе, если у человека нет оптики схватить – вещь не должна его оскорблять. Он не должен сказать: "о какой! черт-те что сказал там". А чтобы он сказал: "ну да, он сказал вот тут смешно".

– Какая последняя интересная мысль родилась в Вашей голове?

– Я так, в принципе, посмотрел на бессмысленность всех этих российских перемещений... так в социальном смысле у меня родилась мысль, что Господь здесь пожелал пустое место и как бы ничего здесь невозможно. И – надо работать с пустотой.

– Давайте внимком. Полюбуйтесь, точнее.

– Это – не плохо, но хорошо. Но вот попытка построить здесь то, что здесь не строится... Оно не строится не потому, что кому-то не хочется или кому-то очень хочется, а потому что вся история показывает...

– Отойдём в сторону от России. От социо-культурных проблем. И – вплотную к поэзии двинемся. Что-нибудь Вы сейчас пишете?

– Вообще-то, это у меня постоянный процесс – такой, как бы, "рутинный". И мне просто: я каждый день стихотворения два пишу всю свою жизнь. Посему это не есть проблема вдохновения. Проблема всех стихов и прочих вещей для меня лично состоит не в том, что они замечательные или не замечательные, а в том, что они некие кирпичики выкладывания определенного канала – ну, как колдцы выстраивают. Посему – это постоянная работа ее нельзя ни на день отпустить. Это "рутина" та самая, как бы, духовная рутина, которая должна быть. Посему стихи в этом отношении вряд ли являются конечным результатом моего труда. В сумме они есть что-то – они показывают труд и его направление. В какой области был труд, для чего это все.

– Да. Да.

– И рисование. Я каждый день ча-